

28 ОКТ 1987

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТАБЛИЦА
г. МОСКВА

Евгений ОСЕТРОВ

2287

СЕРДЦЕВИНА ТВОРЧЕСТВА

Еще не подведены итоги крупнейших поэтических судеб столетия — в преддверии нового века надо бы заняться этим полезным и насущно необходимым делом. Нужно не восхваление и не поношение, а спокойный, вдумчивый подход. До сих пор остаются в тени поэты первых двух десятилетий двадцатого века — их не надо подгонять под какую-либо единую схему, а следует увидеть в особенностях и сопоставлениях. 30—40-е годы были куда богаче, чем принято об этом думать. Не осмыслена эличность Твардовского как новаторское свойство — она точна и глубока.

Каждый раз, когда я думаю об индустриальном гиганте, возведенном страной, ее героической волей в 30-х годах у горы Магнитной, то вслед за образом города на Урале-реке в памяти возникает имя Бориса Ручьева.

Судьбы многих художников двадцатого столетия

изобилуют необычайными поворотами и неожиданностями. Но даже на этом многоцветном фоне судьба Николая Заболоцкого выделяется. Начав литературный путь еще в 20-х, он вошел в литературу 50-х, а в 60—70-х годах стал одним из самых читаемых авторов. Известность Николая Заболоцкого прочна и устойчива и не имеет ничего общего с эстрадным успехом представителей «шумного стихотворчества» или с «калифами на час», коих мы за последние десятилетия повидали достаточно.

В чем тайна читательской любви к Заболоцкому? Не владая в расудочность, убивающую поэзию, Заболоцкий создал поэтические и философские шедевры, в которых мысль и чувство сверкают с равной силой. Читая Заболоцкого, поражаешься разнообразию и богатству философских идей, заключенных в его стихах. Его рационалистическая глубина художественна. Его стих так гибок, точен, афористичен и музыкален, так естествен, что с трудом угадываешь, какими титаническими усилиями достигнуты эти легкость и изящество формы.

Еще одна особенность Заболоцкого-лирика. Его поэзия показывает нам не только беспредельные возможности, заложенные в классическом стихе, но и пути дальнейшего развития этого стиха. Оставаясь — вслед за Буниным и Есениным — в рамках традиционной поэтической формы, он, вне сомнения, был новатором, принесшим в поэзию новое гражданственное содержание. Он не просто поэтизировал глубину мыслей, но и обратил внимание читателя на эстетическую красоту раздумий человека о себе и своем месте в природе и обществе.

Александр Довженко написал однажды: «Нам так хочется прекрасной, светлой жизни, что страстно желаемое и ожидаемое мы мыслим порой как бы осуществленным, забывая при этом, что страдание пребудет с нами всегда, пока будет жив человек на Земле, пока будет он любить, радоваться, творить... Я верю в победу братства народов, верю в коммунизм, но если при первом полете на Марс любимый мой брат или сын погибнет где-то в мировом пространстве, я никому не скажу, что преодолеваю трудности его потери. Я скажу, что я страдаю».

Поэзия составляет существенную часть нашей духовной жизни, пользуется всенародной любовью, окружена у нас в стране всеобщим и, я сказал бы, пристальным вниманием. Все, что происходит в сфере поэзии, привлекает взоры огромного числа читателей и слушателей. То, что мешает развитию стихотворной речи, вызывает справедливое негодование и читателей, и писателей. Творческая природа художника мстит за насилие над ней. Основное для поэта — выразить себя, а следовательно, и свою эпоху в стихах. Чем глубже и своеобразнее личность художника, тем художественно совершеннее его творения. Когда мы читаем произведения великих писателей, то видим, как на ладони времени оттискивается неповторимый самостоятельно-личный мир.

Движение поэзии неотделимо от движения жизни. Вот почему говорить о гражданственных мотивах в стихах, об их образности — это значит размышлять о сердцевине поэзии, о том, что составляет ее живую душу. Художественное произведение всегда насыщено силой, оно зовет и убеждает нас, заражает «дымной гражданственностью».